

УДК 821.111(09):8211161.1

doi 10.17072/2073-6681-2022-4-115-125

Блоковские мотивы в поэме «Бесплодная земля» Т. С. Элиота

Ольга Михайловна Ушакова**д. филол. н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы****Тюменский государственный университет**625003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 6. olmiva@yandex.ru

SPIN-код: 8129-2110

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0656-3774>*Статья поступила в редакцию 08.09.2022**Одобрена после рецензирования 26.11.2022**Принята к публикации 05.12.2022*

Информация для цитирования

Ушакова О. М. Блоковские мотивы в поэме «Бесплодная земля» Т. С. Элиота // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 4. С. 115–125. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-115-125

Аннотация. Одним из перспективных направлений современного элиотоведения является сравнительное изучение творчества Т. С. Элиота (1888–1965) в самых различных ракурсах (влияние, взаимодействие, типология, контексты и др.). Исследовательские принципы данной работы определяются установками компаративистики на типологическое изучение литературных явлений. В статье проводятся параллели между двумя важнейшими поэтическими текстами XX в.: «Двенадцать» А. А. Блока (1918) и «Бесплодная земля» Т. С. Элиота (1922). Объектами нашего внимания стали тексты, относящиеся не только к одной культурной эпохе, но и объединенные схожими художественными принципами и видением мира. Цель работы – зафиксировать точки пересечения двух поэтических универсумов в едином исследовательском пространстве. Оба поэта были свидетелями колоссальных цивилизационных разломов – Первой мировой войны и Русской революции. И тому, и другому поэту присуще «чувство истории», позволившее в поэтической форме предвидеть и представить Закат Европы, передать «шум времени» во всей полифонии смыслов и ритмов. Авторы обеих поэм прошли сходный творческий путь, траекторию которого можно обозначить как «от символизма к модернизму». А. А. Блок и Т. С. Элиот – поэты-драматурги, создатели собственных теорий поэтической драмы, отсюда драматургия и яркая характерность персонажей «Двенадцати» и «Бесплодной земли». В своих послевоенных поэмах и А. А. Блок, и Т. С. Элиот используют язык современного города, его ритмику, экспериментируют с поэтической формой. В статье рассматривается ряд сходных мотивов в поэмах «Двенадцать» и «Бесплодная земля»: апокалиптическое видение современности, Запад и Восток, Эрос и Танатос.

Ключевые слова: модернистский поэтический эпос; русско-английские литературные параллели; «Двенадцать» А. А. Блока; «Бесплодная земля» Т. С. Элиота; апокалипсис; Эрос и Танатос; Восток и Запад.

В 2022 г. литературная общественность и академические круги отмечают столетие публикации двух великих модернистских текстов: «Улисс» Дж. Джойса и «Бесплодная земля» Т. С. Элиота. Столетний юбилей дает повод для размышлений о том, почему именно эти два текста стали классическими образцами высокого модернизма и с течением времени воспринимаются во все большем масштабе и продолжают привле-

кать интерес широкой читательской аудитории и исследователей. Несмотря на то что корпус мирового джойсоведения и элиотоведения насчитывает тысячи работ, авторы которых обращаются к огромному количеству тем и проблем, остается еще ряд вопросов, обойденных вниманием исследователей. Одним из перспективных направлений современного элиотоведения является сравнительное изучение элиотовского твор-

чества в самых различных ракурсах: влияние, взаимодействие, типология, контексты и т. п. В качестве примеров таких новых ракурсов можно привести недавние исследования влияния Элиота на русскую поэзию: диссертации испанской исследовательницы Анны Курасовой «Завоевание времени: “Поэма без героя” А. Ахматовой и “Четыре квартета” Т. С. Элиота» (“Conquering Time: A. Akhmatova’s ‘Poem without a Hero’ and T. S. Eliot’s ‘Four Quartets’”) [Kurasova 2020]) и американской – Натальи Карагеоргос «Запретный плод: русские поэты читают Т. С. Элиота во время холодной войны» (“Forbidden Attraction: Russian Poet Read T. S. Eliot during the Cold War” [Karageorgos 2019]). В частности, Карагеоргос во вступлении к диссертации свою цель определяет следующим образом: исследовать, «как три выдающихся русских поэта – Иосиф Бродский, Аркадий Драгомощенко и Ольга Седакова – взаимодействуют с поэзией и поэтической теорией Т. С. Элиота. Русские поэты откликнулись на две тенденции, инициированные Элиотом: его переосмысление лирической субъективности, проявившееся в теории деперсонализации, с одной стороны, и в возможности современной литургической поэзии, с другой» [там же: 5]. Очевидно, что такой исследовательский сюжет мог появиться только при условии уже сложившейся традиции рецепции Элиота в современной отечественной поэзии.

С другой стороны, появляющиеся с течением времени публикации архивных материалов (писем, мемуаров и др.), «возвращение» имен и текстов (например, «Париж» Хоуп Мерлиз) и т. п. позволяют пересмотреть и расширить круг влияний на самого Элиота, выявить не «пойманные» ранее аллюзии, а также с «высоты» времени увидеть проявившиеся в новом культурно-историческом контексте параллели. В этом плане представляется интересным обратиться к сопоставительному анализу двух великих поэм XX в.: «Двенадцать» А. А. Блока (1880–1921) и «Бесплодная земля» Т. С. Элиота. Исследовательские принципы в данном случае определяются установками сравнительного литературоведения: «увидеть литературу типологически, в условиях более общих и важных закономерностей» [Шайтанов 2009: 102]. Объектами нашего внимания стали тексты, относящиеся не только к одной культурной эпохе, но и объединенные определенными художественными принципами.

Сходство «Бесплодной земли» и «Двенадцати» отмечалось уже современниками Элиота: «Отражение этого настроения проявилось в поэме “Двенадцать”, написанной в январе 1918 г. В свое время признанная шедевром, она звучала ежедневно перед толпами слушателей и переве-

дена на большинство европейских языков. Она не похожа на другие произведения Блока и является бесспорным шедевром. По своим поэтическим принципам она напоминает “Бесплодную землю”, хотя отличается меньшим уровнем символизма и выраженным повествовательным характером» [Bowra 1967: 435]. Это мнение тем более ценно, что статья С. М. Боуры «Значение Александра Блока» (“The Position of Alexander Blok”) была опубликована в 1932 г. в журнале «Крайтерион» (“The Criterion”), редактором которого был автор «Бесплодной земли», не вымаравший это мнение из текста. Можно было бы поспорить с сэром Боурой относительно меньшей степени символизма и повествовательности в «Двенадцати», но проблема (схожесть поэтических принципов) поставлена, на наш взгляд, абсолютно точно.

Поскольку ни блоковеды, ни элиотоведы не обращались к параллельному прочтению двух поэм, есть смысл, поместив их в единое исследовательское пространство, зафиксировать в общих чертах точки пересечения двух поэтических универсумов. Авторы обеих поэм прошли разный по сюжету, но сходный творческий путь, траекторию которого можно обозначить «от символизма к модернизму»: Блок – признанный мэтр символизма, Элиот – ученик французских символистов и их последователь в поэзии 1910-х гг. И Блок, и Элиот – поэты-драматурги, создатели собственных теорий поэтической драмы, отсюда яркая характерность персонажей (“*dramatis personae*”) «Двенадцати» и «Бесплодной земли». Оба поэта были свидетелями колоссального цивилизационного разлома: Великой войны (Первой мировой войны) и Русской революции (Великой Октябрьской социалистической революции). В их до- и послевоенной поэзии предстают абсолютно разные миры: «духи и туманы» незнакомок и Пруфрока сменяются разрухой и «пьяной песней» люмпена. И тому, и другому поэту присуще «чувство истории», позволившее в поэтической форме предвидеть и представить закат Европы в космическом масштабе, передать «шум времени» во всей полифонии смыслов и ритмов. В своих послевоенных поэмах и Блок, и Элиот используют язык современного города, его ритмику, ритмические структуры популярной культуры, экспериментируя с поэтической формой:

Трах-мах-мах!
Трах-мах-мах!

Twit twit twit
Jug jug jug jug jug jug

Это лишь некоторые точки сопряжения творчества двух наиболее влиятельных поэтов XX в. Ниже мы обратимся к некоторым сходным мотивам в их поэмах «Двенадцать» и «Бесплодная земля».

Следует также обратиться к истории появления блоковской поэмы на английском языке, что сделало ее доступной широкому кругу англоязычных читателей. Автор обзора английских переводов Блока, известная британская исследовательница Блока и русского символизма Аврил Пайман отмечает: «Так получилось, насколько мне известно, что в Англии, кроме двух случайных переводов, попавших в один из первых сборников русской поэзии, вышедших тоже случайно в 1917 г., всерьез начали переводить Блока с конца, а не с начала его творческого пути. Начали с “Двенадцати” и со “Скифов”» [Пайман 1993: 364]. Именно поэма «Двенадцать» стала наиболее узнаваемым произведением Блока на Западе в 1920-е гг., время создания «Бесплодной земли». Американский писатель Гленвей Вескотт, живущий в 1920-е гг. в Европе, в своем некрологе, опубликованном в декабрьском номере 1921 г. знаменитого чикагского журнала «Поэтри» (“Poetry”), того самого, где состоялась первая публикация элиотовской «Любовной песни Дж. Альфреда Пруфрока», отмечая всемирное значение Блока, пишет о нем, прежде всего, как об авторе «Двенадцати»: «Смерть Александра Блока в конце лета – потеря не только русской, но и всей мировой литературы. Ему был сорок один год, и он достиг международной известности только в последние два года после публикации своей революционной поэмы “Двенадцать”. Он был первым выдающимся русским писателем, открыто поддержавшим деятельность большевиков и был одним из немногих первоклассных художников, которым, кажется, было достаточно подпитаться черным хлебом революции» [Wescott 1921: 149].

Первой публикацией «Двенадцати» на английском стал перевод Карла Эрика Бехофера-Робертса в 1920 г. в издательстве «Чатто и Виндус» (“Chatto & Windus”). Также в 1920 г. в нью-йоркском издательстве «Б. У. Хьюбш» (“B. W. Huebsch”) поэма «Двенадцать» была опубликована в переводе Бабетты Дойч (Babette Deutsch) и Абрама Ярмолинского (Abraham Yarmolinsky). В настоящее время эти книги являются библиографической редкостью, хотя их можно купить на Amazon.com, где они представлены в нескольких экземплярах, цена которых находится в диапазоне от тысячи до двух тысяч долларов. Часть иллюстраций к первому английскому изданию выставлена в интернете. Американская книга вышла без иллюстраций. Мы работали с британским оригинальным изданием в отделе редких книг Британской библиотеки.

Отдельно стоит остановиться на иллюстрациях к первому британскому изданию, выпол-

ненных Михаилом Федоровичем Ларионовым (1881–1964). Ларионов оформил обложки, фронтиспис, в книге имеются семь иллюстраций. Большая часть иллюстраций перенесена из первого французского издания «Двенадцати» (А. Блок. «Двенадцать. Скифы». С четырнадцатью иллюстрациями Н. Гончаровой и М. Ларионова. Париж: Мишень, 1920). Для этого английского издания Ларионов усилил рисунки тушью, чтобы сделать их более отчетливыми. Обложка была новой, на ней были изображены солдаты. Автор монографии «Михаил Ларионов и русский авангард» Энтони Партон подчеркивает, что иллюстрации были выполнены «в новой, более энергичной манере. Солдаты Красной Армии нарисованы жирными ступенчатыми линиями в неправильных монохромных блоках, создающих эффект монументальности, возвышающий их до уровня мифологических героев. Их суровость, однако, смягчается довольно комичным изображением пуль из их ружей. К сожалению, поэму Блока встретили с непониманием» [Parton 1993: 181]. Более подробно об иллюстрациях Ларионова к английскому изданию см. работы петербургского искусствоведа Г. Г. Поспелова [Поспелов 2005] и нидерландских исследователей А. Лемменса и С.-А. Стоммельса [Лемменс, Стоммельс 2008]. В контексте предложенной темы стоит акцентировать модернистский характер иллюстраций Ларионова, точно почувствовавшего модернистскую сущность поэтического метода Блока. Можно только предположить, что манера Ларионова могла быть конгениальной тексту «Бесплодной земли», но, как известно, Элиот отрицательно относился к попыткам иллюстрировать его поэзию (исключение составили только рисунки к «Популярной науке о кошках, написанной старым Опоссумом», 1939, первые иллюстрации к которой были выполнены самим Элиотом).

Стоит сказать также несколько слов о первом английском переводчике «Двенадцати». Им стал Карл Эрик Бехофер-Робертс (Carl Eric Bechhofer Roberts, 1894–1949), личность и творчество которого заслуживает более пристального внимания отечественных историков литературы. В русскоязычном контексте его имя чаще упоминается историками в связи с книгой «В деникинской России и на Кавказе» (“In Denikin’s Russia and the Caucasus, 1919–1920”, 1921). Личность авантюристического склада (участник военных действий, путешественник, в том числе по послереволюционной России, увлекавшийся мистикой, встречавшийся с Г. Е. Распутиным, открывший в 1919 г. в Тифлисе Г. И. Гурджиева, написавший книгу о Е. П. Блаватской и т. п.), плодовитый литератор, романист, переводчик

и т. п. Бехофер в 1910–1920-е гг. активно переводит и издает русских писателей, в частности, в 1916 г. он выпустил антологию «Пять русских пьес с включением одной украинской» (“Five Russian Plays: with One from the Ukrainian”), а в 1917 г. вышла его «Русская антология на английском» (“A Russian Anthology in English”), составителем и переводчиком большей части текстов которой являлся сам Бехофер. В антологию вошли переводы стихотворений, былин и отрывков из прозы и драматургии таких русских писателей, поэтов и драматургов, как И. А. Крылов, А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, И. С. Тургенев, А. Н. Островский и др. В предисловии Бехофер дает оценку русской литературе, которая в 1910-е гг., прежде всего благодаря усилиям Констанс Гарнетт (Constance Clara Garnett, 1861–1946), начинает приходить к британскому читателю во все более репрезентативном объеме: «все же, однако, я хотел бы думать, что эта книга будет иметь особое значение среди переводов с русского языка. Русская литература довольно молода, но уже богата. И мы уже понимаем степень ее богатства. Почти все авторы русской литературы, достойные перевода, уже переведены на английский язык. В этой книге, например, только Вольтер окажется новым для английских читателей. Это значит, что Достоевских больше не откроют. Старый лес срублен; мы должны пойти дальше. Как свод всего лучшего в русской литературе до 1917 года, эта антология является пробным камнем, по которому можно оценивать все русские книги, которые будут переводиться в будущем»

*Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер –
На всем божьем свете!*
[Блок 1960: 347]

Мы уже ранее выдвигали предположение о том, что этот перевод «Двенадцати» вряд ли мог пройти мимо Элиота [Ушакова 2017]. Повторим некоторые аргументы, добавив еще ряд соображений. Во-первых, Элиот и Бехофер вращались в одном кругу лондонской модернистской богемы. У них были общие знакомые (Борис Анреп, Кэтрин Мэнсфилд и др.). Анреп помогал Бехоферу с переводом «Двенадцати», о чем переводчик упоминает в предисловии: «Я выражаю свою благодарность моей жене и капитану Борису Анрепу, которые помогали как с русской, так и с английской частью перевода» [Bechhofer 1920: vii].

[A Russian... 1917: xi]. Не случайным является то, что именно Бехофер открывает для английского читателя Блока, продолжая нести свою миссию популяризатора русской литературы.

В предисловии к первому книжному изданию поэмы на английском языке Бехофер замечает: «“Двенадцать” Блока – первый шедевр большевистской литературы. В своей поэме Блок стремится прорваться сквозь убожество и ханжество большевизма к тем импульсам и страстям, которые способствовали его перерастанию во всемирное движение, поставившее под свои знамена тысячи энтузиастов во многих странах» [Blok 1920: v]. В большинстве работ, в которых упоминается перевод Бехофера, принято критиковать результат его переводческой деятельности. Не вдаваясь в тонкости перевода (оставим это специалистам по переводоведению), заметим, что первые переводы какого-либо поэтического шедевра, как правило, уступают последующим. Их основная миссия в другом – представить иноязычному читателю новое явление. Эту свою задачу перевод Бехофера, безусловно, полностью выполнил, вызвав интерес к малоизвестному в Британии поэту. И второе – первое английское издание «Двенадцати» воспринималось и воспринимается в своей целостности, с новаторскими иллюстрациями Ларионова, с предисловием переводчика, то есть как книга, обладающая в целом большим художественным потенциалом. Ну а сам перевод, как минимум, передавал содержание, образный ряд, по большей части ритмические структуры и т. п. Приведем в качестве примера перевод первой строфы:

*Black evening.
White snow.
The wind! The wind!
No one can keep upon his feet.
The wind! The wind!
Through all God's earth!*
[Blok 1920: 1]

Бехофер тесно общался с русскими мистиками (Г. И. Гурджиевым, П. Д. Успенским), которыми в начале 1920-х гг. интересуется Элиот. Поэт был страстным поклонником русского балета, поэтому его мог заинтересовать иллюстратор поэмы, который был автором декораций к балетам С. Дягилева. Именно о «балетной» деятельности Ларионова сообщалось в благодарственных словах иллюстратору [там же: ix]. Можно сказать, что эта книга отвечала всем требованиям бытующей художественной моды и в то же время представляла новое для европейской культуры явление – «большевистскую», рево-

люционную по духу и форме поэзию. Не исключено, что новаторская поэтика могла привлечь профессиональное внимание будущего классика модернистской поэзии, что нашло от-

клик в его собственных произведениях этого периода. Обратимся к некоторым мотивам и поэтическим образам в «Бесплодной земле», сходным с блоковскими.

Поэтика апокалипсиса

*Ветер, ветер –
На всем божьем свете!*
[Блок 1960: 347]

*Ибо в холодном ветре не слышу иных вестей
Кроме хихиканья смерти и лязга костей.*
[Элиот 2014: 25]¹.

Обе поэмы стали отражением трагического послевоенного/послереволюционного опыта, что проявляется в апокалиптическом/постапокалиптическом видении/видениях авторов. Так, американский исследователь Дж. Гаррард в своей обстоятельной статье «“Двенадцать”: апокалипсис Блока», с опорой на архивные материалы и глубокое знание библейского текста, ставит и последовательно решает вопрос об апокалиптическом дискурсе в поэме: «Многие историки и литературные комментаторы отмечали апокалиптические элементы в “Двенадцати”; их трудно не заметить. Однако, несмотря на приличный объем критической библиографии, до сих пор не было проведено удовлетворительного исследования проблемы “Откровения” и его отношения к тексту Блока» [Garrard 2003: 46]. Для Гаррарда явление Христа в финале поэмы является не чем иным, как знаком Второго пришествия, которому в соответствии с «Откровением Иоанна Богослова» предшествуют многочисленные бедствия и катастрофы. В работе Гаррарда последовательно анализируются все апокалиптические образы, складывающиеся в общую картину всемирной катастрофы. Таким образом, мы имеем дело с видением «открытых небес», что, по мнению англиканского теолога Кристофера С. Роланда («Открытые небеса: исследование апокалиптики в иудаизме и раннем христианстве»), является важным признаком апокалипсиса.

В поэме Элиота не произносится имя Христа, но его образ проступает в одной из строф (с. 359–365) пятой части поэмы «Что сказал гром»: «Кто он, третий, вечно идущий рядом с тобой? // Когда я считаю, нас двое, лишь ты да я, // Но, когда я гляжу вперед на белеющую дорогу, // Знаю, всегда кто-то третий рядом с тобой, // Неслышный, в плаще, и лицо закутал, // И я не знаю, мужчина то или женщина, // – Но кто он, шагающий рядом с тобой?» [Элиот 2014: 37]. Сам Элиот в своих комментариях к поэме отсылает читателя к антарктической экспедиции Э. Шеклтона [там же: 51]. Ключ же к библейскому источнику этого эпизода дается также в комментариях: «В первой части V развиваются три

темы: путь в Еммаус, приближение к Часовне Опасностей (см. книгу мисс Уэстон), нынешний закат Восточной Европы» [там же: 49]. В Евангелиях от Луки и Марка описывается путешествие учеников Христа в селение Еммаус (Еммаус), во время которого к ним присоединился Христос, не узнавший ими: «После сего явился в ином образе двум из них на дороге, когда они шли в селение» (Мк. 16, 12). Таким образом, этим загадочным третьим, идущим впереди по снежной («белой») дороге является Христос: “When I look ahead up the white road” [там же: 36]. Так возникает аналогия с блоковским Христом: «Снежной россыпью жемчужной, // В белом венчике из роз – // Впереди – Исус Христос» [Блок 1960: 357] – и одновременно поднимается тема заката Восточной Европы.

Процитированные строки о «третьем спутнике» непосредственно предшествуют эпизоду, связанному с темой заката Восточной Европы, на что указывает сам Элиот в комментариях (см. ниже), содержащему аллюзию на «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского. Однако в анализируемой строфе содержится еще одна аллюзия на Достоевского, не отмеченная автором, но являющаяся практически цитатой из одиннадцатой книги «Братьев Карамазовых» (глава 8 «Третье и последнее свидание со Смердяковым»): «–Никакого тут призрака нет-с, кроме нас обоих-с, да еще некоторого третьего. Без сумления тут он теперь, третий этот, находится, между нами, двумя. – Кто он? Кто находится? Кто третий? – испуганно проговорил Иван Федорович, озираясь кругом и поспешно ища глазами кого-то по всем углам. –Третий этот – Бог-с, самое это провидение-с, тут оно теперь подле нас-с, только вы не ищите его, не найдете» [Достоевский 2006: 805–806]. Третий с «закутанным» лицом (“hooded”) в «бурой мантии» также может быть частью закутанных (“hooded”) орд, третьим «черным» всадником Апокалипсиса в следующей строфе. Или же тем самым Христом, который ведет за собой революционные массы и является знаком Второго пришествия. Таким образом, в этой строфе в пятой части «Бесплодной земли» возникает сложный аллюзивный «русский» ком-

плекс, связанный с недавними и текущими историческими процессами.

Британская исследовательница Корнелия Кук в своей статье «Скрытый апокалипсис: раннее творчество Т. С. Элиота» подчеркивает опосредованный характер решения темы апокалипсиса в поэме, отмечая, что поэма в целом является скрытым свидетельством апокалипсиса: «Техника апокалипсиса заключается в переводе желаемого в категории памяти. На бесплодной земле даже этот процесс невозможен, сорван; слова, как отмечает Элиот в другом месте, “терпят неудачу”. Но в “Бесплодной земле” повсюду есть намеки на скрытый апокалипсис. Ссылку на Иоанна Богослова в черновике поэмы пришлось убрать, поскольку она была нелегитимной в дискурсе земли/сознания, где блокируется даже эксплицитная (историческая) память визионера. В голосах, звучащих в поэме, не должно быть голоса, говорящего: “Я, Иоанн, видел это и слышал это”. Это то, что в поэме объявляется желаемым, и, как это ни парадоксально, безмолвный голос является одним из самых громких слышимых» [Cook 1996: 79–80]. Эти знаки «откровения» явлены через ряд образов и аллюзий. Как и в «Двенадцати», в «Бесплодной земле» нигде не сообщается напрямую об апокалипсисе, но его знаки проступают везде: от «вавилонской блудницы» до эсхатологического пейзажа. Так, ветер, который буквально «пронизывает» обе поэмы (например, «это пустая часовня, жилище ветра» [Элиот 2014: 39]), являясь символом разрушения, бесприютности, пустоты, по мнению Кука, может

быть также и библейским символом, «пневмой», духом, как в Евангелии от Иоанна (Ин 3:8). Блоковский Петроград и элиотовский Лондон – это города-призраки, призраками же населенные: «Призрачный город, // Толпы в буром тумане зимней зари, // Лондонский мост на веку повидал столь многих, // Никогда не думал, что смерть унесла столь многих» [там же: 17]. И у Блока, и у Элиота стерта грань между реальностью и потусторонним миром: «Город есть, но он – призрак (“быть пусто”). Буржуй, писатель, поп, барыня, проститутки, бродяга – это лишь тени прошлого мира. Петербургская слаженность, его “геометрическая четкость” если и проступает, то лишь в поступи “ночного дозора” нового времени, в этих красногвардейцах с “винтовочками стальными» [Федякин 2017: 534], но даже эти земные материальные персонажи уходят в финале в некое метафизическое пространство, в «открытые небеса». Послереволюционный Петроград и послевоенный Лондон – бесплодная земля, на которой царят или пронизывающий холод, или засуха и зной. Эта разруха и запустение, в категориях легенды о Граале и Короле-Рыбаре, – результат нарушения божественных законов, насилия и преступления. В этом контексте финальные строфы обеих поэмы можно интерпретировать и как надежду на духовное возрождение. Очевидно, что сложность и концептуальная неоднозначность рассматриваемых текстов обусловлена не только «многим знанием» авторов, но и сложностью и незавершенностью тех глобальных процессов, которые пытаются осмыслить поэты.

Запад и Восток

*И день придет – не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может.*
[Блок 1960: 360]

*Что за город там над горами
Разваливается в лиловом небе.*
[Элиот 2014: 37]

В поэтическом континууме «Бесплодной земли» Русская революция предстает как часть мифологии бесплодной земли и угроза европейской культуре. В пятой части поэмы «Что сказал гром» (с. 366–376) разворачивается панорама распада и крушения основных центров западной цивилизации под натиском наступающих орд: «Что за звук высоко в небе // Материнское тихое причитанье // Что за орды лица закутав роятся // По бескрайним степям спотыкаясь о трещины почвы // В окружении разве что плоского горизонта» [Элиот 2014: 37]. На русский, «карамазовский» след в этом эпизоде указывает сам автор в своих комментариях к поэме, отмечая, что этот образ – аллюзия к книге Г. Гессе «Взгляд в хаос», опубликованной в английском переводе в

июне 1922 г. в американском журнале «Дайал» (“The Dial”) по рекомендации самого Элиота (в этом же американском журнале в ноябрьском номере будет опубликована «Бесплодная земля»). Элиот в заметках к соответствующим строкам «Бесплодной земли» цитирует Гессе: «Уже половина Европы, уже по меньшей мере половина Восточной Европы на своем пути к Хаосу продвигается в опьянении и священном безумии к краю бездны и поет, поет опьяненно и экстаично, как пел Дмитрий Карамазов. Оскорбленный бюргер смеется над этими песнями, святой и духовидец слушают их плача» (пер. В. М. Толмачева) [там же: 51]. Элиот разделяет позицию части западного интеллектуального сообщества, увидевшей в Русской революции не прогрессив-

ное политическое событие, а начало распада многовекового цивилизационного уклада, высвобождение темной первозданной материи, донисийского стихийного начала, несущего угрозу западной цивилизации.

У русского читателя «Бесплодной земли» неизбежно возникает еще одна поэтическая ассоциация, являющаяся неотъемлемой частью европейского поэтического контекста, отзвуком «музыки революции» – это «Скифы» (1918) Блока. Представляется достоверным, что Элиот мог читать прозаический перевод «Скифов» в еженедельнике «Таймс Литерэри Сапплемент» (“The Times Literary Supplement”), автором которого он являлся. Образ бесчисленных азиатских орд органично вписывался в современный поэтический и философский контекст и отражал страхи части западного общества. Отметим, что эту азиатскую природу русской культуры подчеркивает и Ларионов в своих иллюстрациях к «Скифам» и «Двенадцати». Партон так комментирует ярко выраженные азиатские черты героев в рисунках Ларионова: «Этот образ является метафорой России, именно он нашел особенный отклик у Ларионова, поскольку в неопрimitивизме сделана попытка подчеркнуть подлинно азиатский аспект русского искусства. На его иллюстрации изображено варварское лицо Востока, которое прячется за покорной маской, являемой Западу [Parton 1993: 181].

Скифско-карамазовский поэтический образ наступающей с Востока «тьмы» орд, траектория нашествия которых в одном из черновых вариантов «Бесплодной земли» привязана к конкретному географическому пространству («польским равнинам»), претворится позднее в элиотовскую идею Русской революции как сугубо восточного, азиатского, примитивного архаического явления. В черновике слово “Polish” («польские») зачеркнуто с исправлением сначала на “perished” («затерянные», «гиблые»), потом на “endless” («бескрайние») [The Waste... 1971: 74–75]. Большевицкая Россия воспринимается Элиотом как часть чуждого, иного, враждебного «азиатского» пространства, что коррелирует с основным посылом «Скифов» Блока. Последующие за процитированными выше строками картины рушащихся башен, основных «опорных» точек европей-

ской цивилизации, вполне могли бы быть своеобразным эпилогом «Скифов»: «Что за город там над горами // Разваливается в лиловом небе // Рушатся башни // Иерусалим Афины // Александрия // Вена Лондон // Призрачный» [Элиот 2014: 37].

В письме С. Райсу от 1 октября 1923 г. Элиот в качестве редактора журнала «Крайтерин», отвечая на предложение корреспондента подготовить для журнала материалы о «влиянии Азии на Европу и Европы на Азию», уже в критическом разрезе объединяет имена Достоевского и Гессе как носителей «ориентального», азиатского сознания, несущего угрозу разрушения европейской культурной традиции: «Если германо-азиатское влияние проникнет в Западную Европу, то результатом этого может быть ослабление тех европейских традиций, без следования которыми мы можем впасть в состояние варварства подобное тому, в котором пребывают Америка или Россия. Мой друг Герман Гессе, чей талант я безмерно ценю, являет собой пример такого рода ориентализации, в отношении которой я питаю страх, и у меня даже был соблазн написать что-либо критическое в адрес его книги <...> и писателя, которого он так высоко ценит – Достоевского» [Eliot 2009: 230]. Образ высвобождения темной, архаической, примитивной энергии, связанный с выходом на историческую арену низших социальных слоев («Двенадцать»), наступления со стороны Востока темной разрушительной стихии («Скифы»), осмысленная в поэтической форме, найдет также свое рациональное выражение в идее о «реакционном» и популистском характере Русской революции, высказываемой Элиотом в дискуссиях на страницах журнала «Крайтерин». Эта раскрепощенная, освобожденная архаическая стихия представлена в образах главных героев, сюжете и основной мелодике блоковских «Двенадцати»: «Не слышно шуму городского, // Над невской башней тишина, // И больше нет городского – // Гуляй, ребята, без вина!» [Блок 1960: 355]. Для Элиота это высвобожденная революцией и войнами хтоническая мощь связана не только с актуальной политической ситуацией, но и с ориентальным началом. Россия Тургенева и Дягилева, столь почитаемая поэтом, входит в противоречие с новой послереволюционной Россией.

Эрос и Танатос

*Эх, эх! Попляши!
Больно ножки хороши!*
[Блок 1960: 352].

*Ах, льет сиянье месяца молодой
На миссис Портер с дочкой молодой,
Что моют ноги содовой водой.*
[Элиот 2014: 25–27].

Главными выразителями духа новой русской архаической стихии стали Катька, Петруха и Ванька, которых война и революция выносит на авансцену истории. Эти персонажи сменяют утонченных протагонистов и стилизованных героев в духе комедии дель арте или Вертера. Американский славист Людмила Шлейфер Лавин отмечает эту трансформацию в духе времени: «Драматическую любовную интригу “Балаганчика” нетрудно разглядеть в “Двенадцати”. Коротко говоря, оба произведения построены вокруг любовного треугольника, с бросающимся в глаза соответствием имен персонажей (Колембина/Катька, Пьеро/Петька). Пьеро/Петька проигрывают девушку своим конкурентам (Арлекин/Ванька). В результате женский объект соперничества либо падает (в пьесе), либо сбит с ног и лежит в снегу (в поэме)» [Shleyfer Lavine 2005: 577]. С уверенностью можно констатировать смену культурных эпох, когда в литературу приходят не просто персонажи, представляющие социальные низы, – меняется гендерный формат. Так, уходят в прошлое Венеры в мехах, Саломеи, Кармен и прочие роковые красавицы. Это связано прежде всего с войной, на которой нет времени на долгие любовные истории, а женщина легко становится объектом насилия. Катька – жертва этого нового бруталного милитаризованного мира, сохраняющего еще и криминальные обычаи мира довоенного.

Подобную гендерную метаморфозу мы наблюдаем в поэзии Элиота. «Эра Саломеи», как и эпоха модерна, продуктом которой еще во многом является «Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока», завершилась в литературе и искусстве, не только исчерпав себя обильным тиражированием и «омассовлением». В силу своей установки на интимное, индивидуально-личностное начало, тема «роковой женщины», губительницы душ, не смогла пройти испытания Первой мировой войны. Дантовский эпитаф к «Пруфроку», появившийся уже после войны, в томе «Пруфрок и другие наблюдения» (1920), символизировал в том числе безвозвратность ушедшей эпохи и окончательное расставание с ее духом утонченной эротики, погруженностью в личные проблемы и самокопание. «Условному» Пруфроку, которому придется пройти окопы и ужасы Первой мировой, а из прошлого, как из дантовского подземного мира, уже нельзя вернуться, вряд ли удастся снова надеть маску меланхоличного влюбленного и костюм «лунного Пьеро».

Декадентские страдания и демонизация Эроса не могли восприниматься всерьез на фоне массовых жертв реальных войн и революций, а не войны полов и сексуальной революции,

в дыму пожарищ, а не в клубах каминного дыма. И хотя еще собирательный образ “la femme fatale” проглядывает в истерических женских типах последующей элиотовской поэзии, переключаясь с другими героинями этого периода (например, со зловещим «ледимакетовским» образом Рашели, урожденной Рабинович, «Суини среди соловьев»), он трансформируется или в более абстрактные обобщенные архетипические образы (например, мифологические женщины-злодейки и одновременно жертвы насилия, элементы «составной женщины» во второй части поэмы «Игра в шахматы»), или же в безликих проституток и загубленных «девушек» из народа в других эпизодах «Бесплодной земли»: «А за спиною, вместо новостей, // Гудки машин: весной в такой машине // К девицам миссис Портер ездит Суини» [Элиот 2014: 25]. Примечательно, что и сцены с Катькой, и эпизод с Суини (разбогатевшим люмпеном и криминальным типом) мелически выстроены на ритмах уличной, массовой песни (частушки, городской романс, плясовые народные песни и т. п. у Блока, рэгтайм, наигрыши мюзик-холла, солдатские песни и т. п. у Элиота, например, песня про миссис Портер и ее девиц – обценная песенка австралийских солдат Первой мировой войны) [The Poems... 2015: 655]).

Война и революция также усилили эротическое напряжение, которое из сферы любовного томления и декадентской сложной игры перемещается в область насилия, жестокости и теории «стакана воды» (например, клерк и машинистка в «Бесплодной земле»). Взаимосвязь Эроса и Танатоса становится все более тесной, реальной и конкретной: «А между тем писатели говорили о том, что видели: о том, как в эпоху, наследующую великим переменам, люди кидаются в разврат и смерть, потому что опять убедились в роковой неповоротливости человеческой природы, в подлой и спасительной неизменности ея» [Быков* 2019: 7–8]. Таким образом, в обеих поэмах героинями-любовницами и одновременно жертвами насилия становятся представительницы социальных низов с их незамысловатыми понятиями о взаимоотношении полов, эротика тесно связана с жестокостью, насилием, оргиастической хтонической стихией. Блок и Элиот одними из первых уловили эту смену эротической парадигмы как свидетельство еще одного разлома цивилизационной коры.

* Быков Дмитрий Львович включен в реестр физических лиц, выполняющих функции иностранного агента. 29.07.2022. URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-09-12-2022.pdf> (дата обращения: 14.12.2022)

Мы обратились лишь к некоторым параллелям в творчестве двух великих поэтов XX в. Столетняя временная дистанция позволяет не только укрепиться в оценке высочайшего поэтического качества «Двенадцати» и «Бесплодной земли», но и увидеть те общие закономерности развития цивилизации, которые сумели отразить поэты в своем творчестве.

Примечание

¹ Здесь и далее цитаты из поэмы приводятся в переводе А. Сергеева.

Список литературы

Блок А. А. Двенадцать // Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1960. С. 347–362.

Быков Д. Л. От составителя // Маруся отравилась: секс и смерть в 1920-е: антология / сост. Д. Быков. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. С. 7–33.

Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М.: ЭКСМО, 2006. 1005 с.

Лемменс А., Стоммельс С.-А. «Двенадцать» Александра Блока в иллюстрациях русских художников-эмигрантов (1920–1950) // Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение русского зарубежья: сб. ст. СПб: Дмитрий Буланин, 2008. С. 212–219.

Пайман А. Блок в английском и американском литературоведении // Литературное наследство. М.: Наука, 1993. Т. 92, кн. 5. С. 362–401.

Поспелов Г. Г. «Двенадцать» Блока в иллюстрациях Ларионова (из собрания Государственной Третьяковской галереи) // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 1. М.: Собрание; Наука, 2005. С. 491–499.

Ушакова О. М. Журнал “Criterion” о русской революции и коммунизме // Литература двух Америк. 2017. № 3. С. 335–362.

Федякин С. Р. Послесловие к 1917-му: (Ещё раз о поэме Блока «Двенадцать») // Литературоведческий журнал. 2017. № 41. С. 186–212.

Шайтанов И. О. Зачем сравнивать. Компаративистика и/или поэтика // Филологическая регионалистика. 2009. № 1–2. С. 99–108.

Элиот Т. С. Бесплодная земля. М.: Ладомир: Наука, 2014. 528 с.

Bechhofer C. E. Introduction // Blok A. The Twelve. London: Chatto and Windus, 1920. P. v–ix.

Blok A. The Twelve / Translated from Russian with an introduction and notes by C. E. Bechhofer, with illustrations and cover-designs by Michael Larionov. London: Chatto and Windus, 1920. 26 p.

Bowra C. M. The Position of Alexander Blok // The Criterion. The Collected Edition. Vol. XI. London, Faber and Faber Ltd., 1967. P. 422–438.

Eliot T. S. Letter to Stanley Rice (October 1, 1923) // The Letters of T. S. Eliot. Vol. 2 (1923–1925). New Haven; London, 2009. P. 229–230.

Cook C. The Hidden Apocalypse: T. S. Eliot's Early Work // Literature and Theology. 1996. Vol. 10, No. 1 (March 1996). P. 68–80.

Garrard J. “The Twelve”: Blok's Apocalypse // Religion & Literature. 2003. Vol. 35, No. 1 (Spring, 2003). P. 45–72.

Karageorgos N. Forbidden Attraction: Russian Poets Read T. S. Eliot during the Cold War. New York: The City University of New York, 2019. 330 p.

Kurasova A. Conquering Time: A. Akhmatova's ‘Poem without a Hero’ and T. S. Eliot's ‘Four Quartets’. Doctorate Thesis. Salamanca: Departamento de Filologia Inglesa, 2020. 263 p.

Parton A. Mikhail Larionov and the Russian Avant-garde. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1993. 254 p.

The Poems of T. S. Eliot. Vol. I. Collected and Uncollected Poems / Ed. by Christopher Ricks and Jim McCue. London: Faber and Faber, 2015. 1309 p.

A Russian Anthology in English / Ed. by C. E. Bechhofer. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd; New York: E. P. Dutton & Co., 1917. 288 p.

Shleyfer Lavine L. Aleksandr Blok's “The Twelve”: The Transformation of “Commedia Dell'Arte” into an Epic // The Slavic and East European Journal. 2005. Vol. 49, No. 4. P. 570–590.

The Waste Land: A Facsimile and Transcript of the Original Drafts, Including the Annotations of Ezra Pound. San Diego; New York; London, 1971. 149 p.

Wescott G. Alexander Blok // Poetry. Vol. 19, No. 3 (Dec., 1921). P. 149–151.

References

Blok A. A. Dvenadtsat' [The Twelve]. *Sobranie sochineniy*: [Collection of Works: in 8 vols.]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1960, vol. 3, pp. 347–362. (In Russ.)

Bykov D. L. Ot sostavitelia [Compiler's introduction]. *Marusya otravilas': seks i smert' v 1920-e: antologiya* [Marusya Got Poisoned: Sex and Death in the 1920s: Anthology]. Comp. by D. Bykov. Moscow, AST Publ., 2019, pp. 7–33. (In Russ.)

Dostoevsky F. M. *Brat'ya Karamazovy* [The Brothers Karamazov]. Moscow, EKSMO Publ., 2006. 1005 p. (In Russ.)

- Lemmens A., Stommels S.-A. 'Dvenadtsat' Aleksandra Bloka v illyustratsiyakh russkikh khudozhnikov-emigrantov (1920–1950) ['The Twelve' by Alexander Blok in the illustrations of Russian émigré artists (1920–1950)]. *Izobrazitel'noe iskusstvo, arkhitektura i iskusstvovedenie russkogo zarubezh'ya: sbornik statey* [Visual Arts, Architecture, and Art Criticism of Russian Community Abroad: Collection of Articles]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2008, pp. 212–219. (In Russ.)
- Pyman A. Blok v angliiskom i amerikanskom literaturovedenii [Blok in English and American Literary Criticism]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Inheritance]. Moscow, Nauka Publ., 1993, vol. 92, book 5, pp. 362–401. (In Russ.)
- Pospelov G. G. 'Dvenadtsat' Bloka v illyustratsiyakh Larionova (iz sobraniya Gosudarstvennoy Tret'yakovskoy galerei) [Blok's 'The Twelve' illustrated by Larionov (from the collection of the State Tretyakov Gallery)]. *Vestnik istorii, literatury, iskusstva* [History, Literature, and Art Almanac]. Moscow, Sobranie, Nauka Publ., 2005, vol. 1, pp. 491–499. (In Russ.)
- Ushakova O. M. Zhurnal 'Criterion' o russkoy revolyutsii i kommunizme [The Russian revolution and communism in 'The Criterion']. *Literatura dvukh Amerik* [Literature of the Americas], 2017, issue 3, pp. 335–362. (In Russ.)
- Fedyakin S. R. Posleslovie k 1917-mu: (Eshche raz o poeme Bloka 'Dvenadtsat') [Afterword for 1917: (One more time about Blok's Poem 'The Twelve')]. *Literaturovedcheskiy zhurnal* [Journal of Literary History and Theory], 2017, issue 41, pp. 186–212. (In Russ.)
- Shaytanov I. O. Zachem sravnivat'. Komparativistika i/ili poetika [Why to compare. Comparative studies and/or poetics]. *Filologicheskaya regionalistika* [Philological Regional Science], 2009, issue 1–2, pp. 99–108. (In Russ.)
- Eliot T. S. *Besplodnaya zemlya* [The Waste Land]. Moscow, Lodomir: Nauka Publ., 2014. 528 p. (In Russ.)
- Bechhofer C. E. Introduction. *Blok A. The Twelve*. London, Chatto and Windus, 1920, pp. v–ix. (In Eng.)
- Blok A. *The Twelve*. Translated from Russ. with an introduction and notes by C. E. Bechhofer, with illustrations and cover-designs by Michael Larionov. London, Chatto and Windus, 1920. 26 p. (In Eng.)
- Bowra C. M. The position of Alexander Blok. *The Criterion. The Collected Edition*. London, Faber and Faber Ltd., 1967, vol. XI, pp. 422–438. (In Eng.)
- Eliot T. S. Letter to Stanley Rice (October 1, 1923). *The Letters of T. S. Eliot*. New Haven, London, 2009, vol. 2 (1923–1925), pp. 229–230. (In Eng.)
- Cook C. The hidden apocalypse: T. S. Eliot's early work. *Literature and Theology*, 1996, vol. 10, issue 1 (March 1996), pp. 68–80. (In Eng.)
- Garrard J. 'The Twelve': Blok's apocalypse. *Religion & Literature*, 2003, vol. 35, issue 1 (spring 2003), pp. 45–72. (In Eng.)
- Karageorgos N. *Forbidden Attraction: Russian Poets Read T. S. Eliot During the Cold War*. New York, The City University of New York, 2019. 330 p. (In Eng.)
- Kurasova A. *Conquering time: A. Akhmatova's 'Poem without a Hero' and T. S. Eliot's 'Four Quartets'*. Doctorate Thesis. Salamanca, Departamento de Filologia Inglesa, 2020. 263 p. (In Eng.)
- Parton A. *Mikhail Larionov and the Russian Avant-garde*. Princeton, N. J., Princeton University Press, 1993. 254 p. (In Eng.)
- The Poems of T. S. Eliot*. Vol. I. Collected and Uncollected Poems. Ed. by Christopher Ricks and Jim McCue. London, Faber and Faber, 2015. 1309 p. (In Eng.)
- A Russian Anthology in English*. Ed. by C. E. Bechhofer. London, Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd; New York, E. P. Dutton & Co., 1917. 288 p. (In Eng.)
- Shleyfer Lavine L. Aleksandr Blok's 'The Twelve': The transformation of 'commedia dell'arte' into an epic. *The Slavic and East European Journal*, 2005, vol. 49, issue 4, pp. 570–590. (In Eng.)
- The Waste Land: A Facsimile and Transcript of the Original Drafts, Including the Annotations of Ezra Pound*. San Diego, New York, London, 1971. 149 p. (In Eng.)
- Wescott G. Alexander Blok. *Poetry*, 1921, vol. 19, issue 3 (Dec.), pp. 149–151. (In Eng.)

Alexander Blok's Motifs in T. S. Eliot's 'The Waste Land'

Olga M. Ushakova

Professor in the Department of Russian and Foreign Literature

University of Tyumen

6, Volodarskogo st., 625003, Tyumen, Russian Federation.

SPIN-code: 8129-2110

ORCID: <https://orcid.org/orcid.org/0000-0002-0656-3774>

Submitted 08 Sep 2022

Revised 26 Nov 2022

Accepted 05 Dec 2022

For citation

Ushakova O. M. Blokovskie motivy v poeme «Besplodnaya zemlya» T. S. Eliota [Alexander Blok's Motifs in T. S. Eliot's 'The Waste Land']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 4, pp. 115–125. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-115-125 (In Russ.)

Abstract. One of the notable trends in contemporary T. S. Eliot studies is the comparative study of Eliot's works from various perspectives (influence, interaction, typology, contexts, etc.). The methodological principles of this research are determined by the orientation of comparative studies toward the typological study of literary phenomena. The paper deals with the parallels between two most important poetic texts of the 20th century: *The Twelve* by A. A. Blok (1918) and *The Waste Land* by T. S. Eliot (1922). The texts under study belong to the same cultural period and are united by similar artistic principles and vision of the world. The purpose of this paper is to reveal the points of intersection of two poetic universes in one research space. Both poets were the witnesses of colossal civilization collapses: the Great War and the Russian Revolution. Both poets had a 'sense of history', which made it possible for them to foresee and depict the Decline of Europe in poetic form, to convey the 'noise of time' in all its polyphony of meanings and rhythms. The authors of both poems went similar aesthetic trajectories, which can be designated as the way 'from symbolism to modernism'. Both Blok and Eliot were poets-playwrights, creators of their own theories of poetic drama, hence the dramatic plot and many colorful characters in *The Twelve* and *The Waste Land*. In their post-war poems, both poets created the language of the modern city, using its rhythms, experimented with poetic form. The paper reveals and analyzes a number of similar motifs in *The Twelve* and *The Waste Land*: an apocalyptic vision of modernity, West and East, Eros and Thanatos.

Key words: modernist poetic epic; Russian-English literary parallels; Alexander Blok's *The Twelve*; T. S. Eliot's *The Waste Land*; apocalypse; Eros and Thanatos; East and West.